

Презентацию открыл заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН В.Г.Барановский. На презентации выступили: руководитель проекта – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН В.З.Дворкин; руководитель Центра международной безопасности (ЦМБ), член-корреспондент РАН, А.Г.Арбатов; заведующий сектором С.К.Ознобищев.

В дискуссии принимали участие представители российских и зарубежных СМИ, дипломаты, а также эксперты в области безопасности – В.М. Апанасенко, профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, контр-адмирал в запасе; И.А. Ахтамзян, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО-Университет МИД РФ; В.С. Белоус, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, генерал-лейтенант в отставке; П.В. Варнаровский, младший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; В.И. Владимиров, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; Ф.Г. Войтоловский, заведующий сектором ИМЭМО РАН; Э.А. Воробьев, советник директора Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, генерал-полковник в отставке; А.В. Воронцов, заведующий Отделом Кореи и Монголии ИВ РАН; Е.Г. Гореловская, старший лаборант-исследователь ЦМБ ИМЭМО РАН; М.А. Грешнев, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; О.В. Гусарова, младший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; А.В. Дворцов, младший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; К.К. Дрэгич, советник Политического отдела Посольства Румынии; В.В. Евсеев, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; З.П. Езенкова, научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; В.И. Есин, первый вице-президент Академии безопасности, обороны и правопорядка, генерал-полковник в отставке; Е.Л. Жигун, директор Института Ближнего Востока; В.М. Иванов, ответственный редактор информационного агентства "Интерфакс-АВН"; С.М. Иванов, ведущий научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; С.Ю. Казеннов, руководитель Группы геополитических процессов ЦМБ ИМЭМО РАН; Н.И. Калинина, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; Э.В. Кириченко, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН; В.П. Козин, независимый эксперт; Е.М. Королева, научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; В.О. Корощупов, младший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; В.Н. Литовкин, ответственный редактор газеты «Независимое военное обозрение», полковник запаса; Б.Н. Макеев, ведущий научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; А. Мантре, первый секретарь Политического отдела Посольства Франции; Г.С. Маргарян, соискатель кафедры международных экономических отношений и внешнеполитических связей МГИМО(У) МИД РФ; Г.С. Маргарян, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД РФ; В.И. Матвеева, старший лаборант-исследователь Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; В.И. Мизин, заместитель директора Института международных исследований МГИМО(У) МИД РФ; Л.И. Остапкович, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; Л.В. Панкова, заведующий сектором ЦМБ ИМЭМО РАН; А.В. Радчук, советник начальника Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса; Н.П. Ромашкина, научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; В.И. Рыбаченков, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и

экологии при МФТИ-Университет; Л.Ф. Рябихин, заведующий сектором Центра научных исследований Комитета ученых за глобальную безопасность; А.Г. Савельев, заведующий Отделом стратегических исследований ЦМБ ИМЭМО РАН; В.И. Сажин, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; Е.Я. Сатановский, президент Института Ближнего Востока; В.И. Сотников, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; А.А. Тарасов, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; П.В. Топычканов, старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; С.В. Уткин, заведующий сектором ИМЭМО РАН; Р.А. Фарамазян, руководитель Группы глобализации военно-экономических процессов ЦМБ ИМЭМО РАН; С.В. Целицкий, научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН; А.М. Черницкий, заместитель главного редактора журнала «Наша власть: дела и лица»; Ж.В. Шатилова, старший лаборант-исследователь Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

В своем выступлении В.З.Дворкин отметил, что в новой Военной доктрине России 2010 г. основное условие применения ядерного оружия подверглось, казалось бы, незначительной по форме, но важной по смыслу корректировке. В конечной её части вместо слов «в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ», сказано «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Последняя формулировка, во всяком случае на декларативном уровне, повышает порог применения ядерного оружия.

В целом представление о ядерной политике России во всех трёх, начиная с 1993 года, военных доктринах носит фрагментарный характер и не даёт возможности оценить её в достаточно полном и законченном виде. Реальная ядерная политика заключается не столько в декларативных формулировках, связанных с угрозами и условиями применения ядерного оружия, сколько в принятых программах поддержания и развития стратегической ядерной триады, нестратегического ядерного оружия и ПРО, с конкретным финансированием всех составляющих, с уровнем их боевых возможностей (оперативных и технических характеристик), с этапами вывода и ввода в боевой состав вооружений. Все эти данные должны содержаться в принимаемых государственных программах вооружения на 10 лет, однако в России они традиционно имеют высокий гриф секретности и не представляются даже на закрытых заседаниях комитетов Государственной думы и Совета Федерации при обсуждении государственных оборонных заказов на очередной год.

В этом отношении то, что называется ядерной политикой России, в сильной степени отличается, например, от ядерной политики США, отражаемой в четырёхлетних ядерных обзорах, в которых всегда представлены все детали состояния и планов развития ядерных вооружений и обеспечивающих систем, финансирование которых обсуждается и принимается Конгрессом. Этот хронический отечественный недостаток лишь частично и в минимальной степени компенсируется данными, которые можно почерпнуть из отдельных и часто

противоречивых заявлений официальных представителей Министерства обороны и ОПК. Так, например, появляется информация о вводе в боевой состав в ближайшие десять лет четырёх подводных ракетоносцев проекта 955 с БРПЛ «Булава» и ещё четырёх в дальнейшем. При этом данные о требуемых для этого ассигнованиях и подтверждение реальности таких планов не представляются. Противоречивы сроки вывода из боевого состава РВСН остающихся на дежурстве «тяжёлых» ракет РС-20 и баллистических ракет, отнесённых к «лёгкому» типу РС-18 (от 2016 до 2020 г.). Ещё больше размыты перспективы разработки нового авиационного стратегического комплекса для замены ТБ Ту-95МС. В то же время заявлено о разработке новой «тяжёлой» баллистической ракеты, что представляется явным стратегическим просчётом.

Таким образом, представление о реальной ядерной политике России в том понимании, как она существует и открыто объявлена в развитых ядерных демократических государствах, получить достаточно сложно. Причина этого заключается в её излишней закрытости не только для общественности и независимых экспертов, но и основного законодательного органа государства. Принципы ядерного сдерживания, которых придерживается Россия, и основной инструмент этих принципов – стратегические и нестратегические ядерные силы, их состояние и перспективы развития, требует более высокой степени прозрачности. Это особенно важно в условиях договорных отношений с США по сокращению СНВ, по возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, по сотрудничеству в сфере ПРО, что непосредственно отражается на возможностях дальнейших сокращений ядерного оружия.

С.К.Ознобищев подчеркнул, что эволюция политической ситуации в Европе и за ее пределами влечет за собой и изменение взглядов североатлантического альянса в области ядерного оружия, основные элементы которых традиционно излагаются в документах под названием Стратегическая концепция НАТО. Следует, однако, отметить, что трансформация этих взглядов заметно отстает от позитивных изменений в отношениях России и Запада, чему мешает ряд факторов. Среди них: инерция подходов и восприятия холодной войны, исключительно нестабильный характер отношений Россия-НАТО, сохраняющиеся "фобии", особенно, со стороны новых членов альянса, в отношении России.

В итоге, вышедшая в конце ноября 2010 г. новая Стратегическая концепция (СК) НАТО не оправдала оптимистичных ожиданий многих экспертов. Новый документ по-прежнему декларировал приверженность альянса традиционному ядерному сдерживанию в качестве основы безопасности с полным сохранением ядерных гарантий со стороны США. Более того, в «ядерной части» СК практически нет ничего нового – почти все положения, связанные с ядерным оружием, представлены в тех же выражениях, как и в СК 1999 г. Создается впечатление, что в связи с ростом числа членов альянса внутри НАТО не удалось выработать консенсуса для принятия новых формулировок в вопросах ядерного оружия, что и предопределило их сохранение в прежнем виде.

Содержащиеся в СК декларации о готовности видеть истинное стратегическое партнерство между НАТО и Россией не произвела впечатления на российских политиков и экспертов, поскольку подобные декларации содержались и в ряде предыдущих документов (Основополагающий Акт Россия-НАТО 1997 г., Вашингтонская декларация 2002 г.), что не мешало периодическому ухудшению и даже замораживанию двусторонних отношений. Важным, конечно, представляется новое положение о готовности взаимодействовать с Россией в области ПРО.

С.К.Ознобищев подчеркнул, что для кардинального изменения наших отношений необходима реализация, в первую очередь, практических начинаний, в том числе – заявленных на саммите Россия-НАТО в Лиссабоне. В итоге встречи Д.Медведева и А.Расмуссена были даны конкретные поручения, в частности, по разработке всеобъемлющего совместного анализа будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны и по конкретизации мероприятий взаимодействия в отношении общих вызовов безопасности XXI века. Выполнение этих поручений может способствовать эволюции как ядерной стратегии НАТО, так и соответствующих российских документов, их отходу от постулатов холодной войны. Что касается принятой в Лиссабоне новой Стратегической концепции НАТО, то уже сейчас ясно, что она вряд ли может способствовать позитивной трансформации ядерной стратегии НАТО.

А.Г. Арбатов акцентировал внимание на том, что военные доктрины государств, включая их ядерный аспект, как правило, имеют двоякую природу. С одной стороны, они являются руководством к действию для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой стороны, доктрины являются «посланием» другим странам (вероятным противникам и союзникам) и содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы. Накопление ядерного оружия в годы холодной войны повлекло осознание неприемлемости его широкомасштабного применения. Это поставило на приоритетное место содержания доктрин определение путей сдерживания противников от использования ядерного оружия, то есть предотвращения ядерной войны как в результате преднамеренного нападения, так и в итоге эскалации военных действий с применением других вооружений и сил. Соотношение названных двух аспектов военных доктрин у различных государств неодинаковое

А.Г.Арбатов отметил, что готовность держав к первому применению ядерного оружия придает ему роль не только инструмента сдерживания, но и орудия реального ведения войны и достижения в ней успеха, что бы под ним ни подразумевалось. Первое применение ЯО – это гораздо больше, чем ядерное сдерживание, или, во всяком случае, весьма широкая трактовка концепции сдерживания (включая превентивный удар). В отличие от потенциала сдерживания, который подразумевает ответный ядерный удар, концепция первого

удара обычно ассоциируется со стратегией разоружающего (контрсилового) удара. Кроме того, первый ядерный удар может рассматриваться как необходимость для противодействия превосходящим силам общего назначения противника или как вынужденная мера для ухода от разоружающего удара оппонента (упреждающий удар).

При этом, величина акцента на первое применение ядерного оружия не обязательно прямолинейно свидетельствует об агрессивности общей военной и, в целом, внешней политики тех или иных государств. Ядерная стратегия, при всей ее важности, – лишь элемент общей сложнейшей и динамичной картины глобальной и региональной экономики, политики и военного соотношения сил. Если попытаться ранжировать современные ядерные державы по степени их готовности к первому применению ЯО, как исходя из их официальных доктрин, так и в свете их объективной геостратегической ситуации и вероятного оперативного планирования, то можно прийти к выводу, что наиболее наступательный характер (исключительно опора на первый удар) в силу как стратегической необходимости, так и технических характеристик, состава и структуры имеют потенциалы Израиля и Пакистана.

Второе место по этому критерию, видимо, занимает Россия. Ее относительная ядерная мощь в проекции на гипотетических противников (НАТО, Китай, американо-японский союз) будет в перспективе снижаться, но ее отставание по силам общего назначения (СОН), новейшим неядерным вооружениям и региональная уязвимость создают стимул для концепций и планирования первого ядерного удара. На третьем месте условно стоят США. В силу их объективного положения и военного потенциала, они не имеют серьезных стимулов к первому применению ЯО. Однако их доктринальные установки, обязательства союзникам и огромное превосходство по контрсилловому ядерному потенциалу определяют сохранение концепции первого удара и в новой Военной доктрине от 2010 г. Далее следуют Индия, Китай, Франция, Великобритания и Северная Корея.

Таким образом, окончание холодной войны не уменьшило, а, скорее, увеличило и узаконило неравенство ядерных и неядерных государств. В военной стратегии большинства ядерных государств был не повышен, а наоборот, понижен «ядерный порог» (то есть критический уровень условий, при которых может быть применено ЯО), не говоря уже об отказе от концепции первого ядерного удара и, тем более, от ядерного сдерживания как такового.

В процессе презентации работы были обсуждены основные положения, затронутые в исследовании. Серьезной критике подверглись постулаты ядерной политики США и НАТО. Критические замечания прозвучали и в адрес российских доктринальных документов в ядерной сфере. Был дан анализ содержательной стороны ядерных доктрин и взглядов на использование ядерного оружия различных государств. Собравшиеся подчеркнули важность процесса сокращения и ограничения вооружений, отхода от наследия холодной войны во взглядах на ядерное оружие и сценарии его применения.